

(Аль-Ани, Н. М. Философия техники: очерки истории и теории : учебное пособие / Н. М. Аль-Ани. – СПб, 2004. – 184 с.)

Отдельные попытки превратить механическую или техническую деятельность в объект философской рефлексии предпринимались задолго до того, как философия техники сложилась в качестве относительно автономной области философского знания. Так, например, Дж. Беркли (1685-1753) предлагал рассматривать природу как «мощную машину», а И. Ньютон требовал экстраполировать механический способ понимания человеческого творчества и такого важнейшего его продукта, как технические изделия, на исследование и описание сил природы. К созданию некой «философии механики» стремился английский физик и химик Роберт Бойль (1627-1691). В работах немецкого экономиста Иоганна Бекманна (1739-1811) и шотландского экономиста и инженера Эндрю Юра (1778-1857) рассматривались некоторые аспекты философии производства или философии фабрик и мануфактур (промышленности). По-видимому, исходя из этого, некоторые западные авторы склоняются к тому, чтобы признать именно И. Бекманна основоположником философии техники. Однако, подавляющее большинство исследователей считают, что подлинным родоначальником философии техники является никто иной, как немецкий философ Эрнст Капп (1808-1896).

Э. Капп рассматривает историю как результат активного взаимодействия человека и окружающей его среды. В ходе данного взаимодействия человек научился так реагировать и отвечать на вызовы последней, чтобы в конечном итоге быть в состоянии преодолевать свою зависимость от первозданной природы. Именно данная идея Э. Каппа и получает позднее свою развернутую и детальную конкретизацию в его философии техники.

Результатом научных исканий и философских обобщений Э. Каппа стала работа «Основания философии техники».

Общим теоретическим источником или философским основанием данной работы Э. Каппа, несомненно, является антропологический материализм Л. Фейербаха. В своей философской концепции техники он исходит из так называемого антропологического критерия. Смысл этого критерия или принципа точно, по мнению Э. Каппа, передают знаменитые слова Протагора: «Человек – мера всех вещей».

При этом, человека следует понимать как неразрывное единство тела и сознания.

Человек является единственным живым существом, которое, будучи неудовлетворенным тем, что находит в первозданной природе, вынуждено само творить условия, необходимые для своего существования. Следовательно, человек тем и отличается от всех остальных животных, что является творческим, или, точнее говоря, самотворческим существом, поскольку, создавая условия своего существования, человек, тем самым, творит самого себя.

Процесс человеческого творчества или самотворчества, с точки зрения Э. Каппа, оказывается ничем иным, как перенесением человеком своего внутреннего мира вовне, т.е. превращением и продолжением этого мира в мир внешний. Однако, поскольку внутренний мир человека по сути дела сводится Э. Каппом к человеческому телу, то отсюда следует, что внешний мир или точнее его человеческая составляющая, представляет собой ничто иное, как продолжение человеческого тела или механическое подражание его различным органам. Именно так Э. Капп приходит к формированию своего принципа органопроекции, согласно которому «...все средства культуры, будут ли они грубо материальной или самой тонкой конструкции, являются ничем иным, как проекциями органов».

Э. Капп впервые разрабатывает целостную концепцию органической проекции.

Следовательно, все технические средства как искусственные орудия человека представляют собой, согласно Э. Каппу, продолжение его естественных орудий, т.е. органов или же механические подражания им.

Органопроекция как основной принцип технической и всей культурной деятельности человека характеризуется следующими тремя важными признаками. Во-первых, она по своей природе является процессом непрерывного, по большей части бессознательного самообнаружения. Во-вторых, она носит необходимый характер. В-третьих, она реализуется как процесс активного взаимодействия между естественными орудиями (человеческими органами и всем человеческим телом в целом) и орудиями искусственными, в ходе которого они взаимно совершенствуют друг друга.

Органопроектирование можно, по мнению Э. Каппа, более или менее четко проследить не только в примитивных или простых ручных орудиях, но и в весьма сложных механизмах и технических конструкциях, таких, например, как паровые машины, железные дороги, мостостроительство и т.д.

Вместе с тем он предостерег от абсолютизации сходства и превращения его в абстрактное тождество. Животное вовсе не простая машина, поскольку обладает волей. Существенное различие между организмом и «механизмом» он усматривает и в том, что «организм, как и весь мир, есть природа, вечно становящееся; механизм – готовое и сделанное; там – развитие и жизнь, здесь – конструкция и безжизненность».

Значение органопроектирования как основания техники и технической деятельности и его практическая ценность стали более очевидными с возникновением кибернетики и созданием информационной техники.

В отличие от Э. Каппа, французский социолог Альфред Эспинас (1844-1922) посвятил свою книгу «Происхождение технологии» (1890) проблемам технологии и её истории. В ней он предпринимает попытку создать историю общей технологии и прагматологии, т.е. задается целью написать философию действия.

В вопросе о сущности техники он, подобно Э. Каппу, твердо стоял на позициях органопроектирования.

А. Эспинас полностью согласен с Э. Каппом и в том,

даосизм, нацеленный на изучение природы, - были неинтервенционистскими, обращенными на поддержание существующего изначального порядка и гармонии в обществе и природе. Даосисты, например, утверждали, что природа должна быть предоставлена самой себе, естественному ходу вещей, учили человека приспосабливаться к универсуму, им не приходила в голову мысль подчинить его себе. Однако многие такие изобретения, как компас, порох, шелк, бумага, глазурь, фарфор и т.п., пришли в западноевропейскую культуру именно из Китая. Еще более рельефно

стремление к гармонии с природой и поддержанию равновесия природы и общества демонстрирует понимание техники в древнеиндийской культуре, выразившееся в попытке органического соединения «естественного» и «искусственного». Предпосылкой этого образа техники является видение мира как нуждающегося в постоянном поддержании хода событий ритуальными действиями. В этой слитности естественного и искусственного, природного и сверхъестественного и состояла особенность мифологического мышления, выступающего в данном случае как способ упорядочения мира. Тогда всякая техническая операция наполнялась выходящим за пределы простого прагматического действия смыслом, объединяя в себе реальные природные процессы и мифологические образы, рациональные моменты и иррациональные переживания, искусственные орудия и естественные объекты, безжизненное и одухотворенное, богов и людей. Естественные объекты одновременно являются искусственными орудиями, и в то же самое время они персонифицированы. Любой процесс выступает здесь не как одностороннее воздействие деятеля или исследователя на пассивный материал, а как взаимодействие, причем и сама природа уподобляется духовному миру. Человек вписан в Космос и един с ним, а через управление своей собственной психикой жрец воздействует и на внешний мир, настолько же духовный, как и мир внутренний. Поэтому главную роль в корпусе приобретаемых знаний играют, в конечном счете, не знания о внешнем мире, которым можно обучиться у любого учителя, а те знания, которым каждый учитель учит по-своему, не как готовым знаниям, а как создающимся в процессе мышления.

Второй образ техники - «война» с природой, нападение на нее с целью завладеть ее богатствами, т.е. путь агрессии. Именно такой агрессивный подход к овладению природой с помощью организованной человеческой техники характерен для древнеегипетской, древнеави-лонской, ассирийской и других культур, что выразилось, прежде всего, в создании тоталитарной военной машины государства. Если в окружающей природе нечто отсутствовало, это можно было создать искусственно, поскольку нет ничего невозможного для всемогущих правителей, им подчиняются люди и сама природа. Одним из важнейших технических достижений египтян и народов Междуречья было создание оросительной системы земледелия, т.е. строительство дамб и каналов, системы распределения и регулирования воды, а также фиксации и воспроизведения границ отдельных земельных владений. Важным было не только создание этой системы, но и ее поддержание и обновление. Древние народы обустроивали свое жизненное пространство согласно своим религиозно-мифологическим представлениям, уходящим корнями в далекое прошлое. Шумеры, вероятно, были переселившимся в Междуречье горным народом, и боги, а следовательно, и святилища богов на их прародине должны были располагаться на вершинах гор. На юге Месопотамии не было горных вершин, значит, следовало изменить окружающую среду в соответствии с традиционными представлениями. Миф здесь отчетливо играет роль своеобразного проекта. Технические знания носили, однако, религиозный и практически-культовый характер. Например, удивительным месопотамским изобретением были мощные дороги из известковых плит с подложкой из плоского кирпича, скрепленного смесью известняка, песка и асфальта, но эти дороги

служили в первую очередь для передвижения религиозных процессий. Изобретение восковой свечи этрусками, когда кусок веревки несколько раз опускался в горячий воск, в качестве религиозной принадлежности не предполагало ее использования в традиции, в течение многих веков выработанной культовым зодчеством, сама логика их построения была подчинена культовым целям и представлениям древних египтян о загробном мире. Религиозно-мифологические представления для древних техников и ремесленников играли в то время такую же роль, какую сегодня играют научно-теоретические модели для современных инженеров. В Древнем Египте была развита особая «философия» техники - манипулирования людьми как средствами механизированной деятельности, когда каждый выполняет лишь предписанные ему механические функции и выступает в качестве составного элемента системы, производящей механическую работу, например, по поднятию тяжестей при строительстве пирамиды, что стало прообразом будущей механической техники.

Эти образы техники в истории культуры находят свое выражение, с одной стороны, в каноничности средневековой культуры, а с другой - в формировании предпосылок новой проектной философии техники. Для канонической культуры характерно приписывание авторства изобретений и нововведений авторитету или богу. Боясь конкуренции, средневековые цехи, например, были противниками всяких новшеств, а сами изобретения воспринимались как нечто отвратительное, нарушающее их привилегии. Вместе с тем уже в Средние века происходит изменение отношения к ручному труду.

Если в Античности тяжелый рутый труд приравнивался к труду несвободному, рабскому и считался недостойным свободного человека, то в период европейского Средневековья под влиянием монашества ручная работа осознается не только как средство, получения хозяйственных результатов или даже не как средство, служащее умерщвлению плоти, но как форма служения Господу. Приобщение монахов к грязной ручной работе одухотворяло, очищало ее, а уважение к работающему монаху изменяло и ценностные ориентации по отношению к повседневному труду крестьянина и ремесленника, что, в конечном счете, меняло и установку с созерцательно-теоретической на деятельностно-практическую, но проявляется все это пока еще как тенденция, а нововведения прячутся под одеждой улучшений в процессе приспособления к новым условиям технических заимствований из других регионов и культур. Это имело следствием, во-первых, стремление к облегчению тяжелой и однообразной работы, недостойной слугителя Бога, за счет использования природных сил и, во-вторых, - к внедрению деятельностно-практической установки в

Однако, в любом случае, техника остается творческой человеческой деятельностью, которая по своему призванию и значению для человеческой жизни всегда направлена именно на «Пользу». П.К. Энгельмейер заключает, что «Техника есть реальное

творчество: Наука, Искусство и Этика ставят ей задачи, а она их выполняет на деле».

П.К. Энгельмейер пытается определить место, которое техника занимает в культуре. Именно техника, давая человеку пищу, одежду, жилье и т.д., по его мнению, «создает то, что называется материальной культурой». П.К. Энгельмейер приходит к своему важнейшему выводу о том, что техника есть реальный базис всей культуры человечества.

Культурный человек представляет собой «техническое животное». Это значит, что только благодаря технике человек сумел выйти из-под власти природы и фактически подчинить её себе. В связи со сказанным П.К. Энгельмейер считает возможным говорить о существовании некоего технического склада ума. «Даже более того, существует особый способ смотреть на мир и на человека, целое техническое мировоззрение».

Техническое мировоззрение, согласно П.К. Энгельмейеру, далеко от того, чтобы стремление к пользе провозгласить самым высоким побуждением. Техническое мировоззрение само по себе не направлено против идеи добра и не желает «водрузить знамя грубого эгоизма». Более того, П.К. Энгельмейер фактически придает технике амбивалентный характер, в соответствии с которым следовало бы признать её «моральную нейтральность».